

ОТЗЫВ

официального оппонента
на диссертационную работу

Третьякова Евгения Алексеевича
**«КУЛЬТУРА НАСЕЛЕНИЯ ПРИТОБОЛЬЯ В ЭПОХУ
РАЗВИТОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ»,**

представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.3. – археология (исторические науки) в диссертационный совет 24.1.030.01 Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (ИАЭ СО РАН)

В рассматриваемой работе, выполненной на кафедре истории Института социально-гуманитарных наук федерального государственного автономного образовательного учреждения «Тюменский государственный университет», представлены результаты всестороннего исследования материалов юдинской археологической культуры и макушинского типа памятников, накопленных за продолжительный период. Эти материалы отражают культуру населения Притоболья в эпоху развитого средневековья (IX-XIV вв.). Источниковая база исследования вполне представительная – 117 археологических памятников разного типа (городища, селища, могильники, святилища и культовые места в пещерах), что позволяет достигнуть поставленной *цели исследования*, заключающейся в *реконструкции материальной и духовной культуры* населения Притоболья в обозначенный отрезок времени.

Работа состоит из введения, трех глав, заключения и объемного приложения.

Во введении (с.3-12) автор обосновывает важность темы, характеризует ее хронологические и географические рамки, формулирует цель и задачи, определяет объект и предмет исследования, характеризует источниковую базу, методы исследования, отмечает новизну и практическую значимость проделанной работы, приводит положения, выносимые на защиту.

Первая глава (с.14-40) посвящена истории изучения средневековых памятников Притоболья и историографии по вопросам изучения различных

аспектов юдинской археологической культуры и макушинского типа памятников. Глава написана добротнo, логично разделена на хронологические этапы. Евгений Алексеевич не просто перечисляет работы предшественников, а анализирует их, выделяет основное содержание каждого этапа исследований, и в итоге главы суммирует вопросы, которые пока остаются открытыми. Немного отвлекаясь от темы, хотелось бы отметить, что исследователи средневековых древностей Зауралья и Западной Сибири в свое время увлекались выделением новых культур, культурно-исторических общностей, хронологических этапов, керамических типов и пр., и со стороны порой было непросто разобраться, о чем именно идет речь. Поэтому всегда вызывают особую благодарность авторы историографических обзоров, позволяющих сориентироваться во всем этом многообразии и понять, какие точки зрения остались лишь историографическим фактом, а какие продолжают развиваться по сей день.

Во *второй главе* (с.41-176) представлены материалы, собственно характеризующие юдинскую археологическую культуру и макушинский тип памятников.

Начинается глава с классификации *поселенческих памятников*, прежде всего, городищ, которые количественно преобладают на рассматриваемой территории. Автор не только выделяет типы памятников, основываясь на разных критериях, таких как особенность ландшафтных условий их расположения, форма и планировка, площадь, но и определяет ареалы, к которым тяготеют определенные типы поселений, объясняя, чем это обусловлено. Весьма значимым, на мой взгляд, является анализ системы расселения, на основании которого сделан вывод о том, что территория Притоболья была заселена равномерно вдоль крупных водоемов, одновременно служивших источником жизнеобеспечения и средством коммуникаций. Единственной недоработкой, на мой взгляд, является то, что хозяйство местного населения рассматривается отдельно в конце главы, и нигде не устанавливается взаимосвязь между видами хозяйственной

деятельности и выделенными в процессе анализа ресурсными зонами. Некоторое сомнение вызывает тезис о том, что укрепленные поселения являлись административными центрами, учитывая тот факт, что эти поселения составляли подавляющее большинство. Вероятно, такими центрами могли быть только некоторые из этих городищ, выделение которых может стать задачей для дальнейших исследований.

Далее автор характеризует *особенности домостроительства*. Суммировав данные о 28 постройках, выявленных при раскопках, он подразделил их на наземные и полуземлянки. По технике сооружения среди наземных жилищ выделены каркасные и срубные, среди полуземлянок – столбовые и срубные. Большинство изученных жилищ подробно рассматривается в работе, в ходе описания по сохранившимся деталям определяются особенности строительной техники, выявляются такие элементы построек, как тамбуры, в отдельных случаях даже остатки обрушенной кровли. Отдельно характеризуются детали интерьера – очаги, нары, хозяйственные ямы. Приведенные данные подтверждают правомерность полученных выводов.

Кроме жилищ в этом же параграфе работы рассматриваются *производственные площадки*, связанные с железоделательным производством. Таких объектов немного, они содержат весьма ценную информацию, свидетельствующую именно об особенностях производства, а не о строительной технике, и эти материалы, наверное, было бы уместнее привести при характеристике металлопроизводства в параграфе «Хозяйство».

Отдельно описывается *фортификация городищ* юдинской культуры. Основанием для изучения структуры оборонительных сооружений послужили материалы раскопок 6 городищ, в которых зафиксирован порядок возведения укреплений, реконструированный вполне убедительно.

В параграфе 2.3 «*Могильники и погребальный обряд*» на основании материалов 231 погребения с помощью методов многомерной статистики

выделено 3 кластера, которые, по мнению автора, отражают три линии развития погребального обряда.

В параграфе 2.4 рассматривается такой относительно немногочисленный тип памятников, как *святилища и культовые места в пещерах*.

Ну и, наконец, параграф 2.5 посвящен *материальной культуре*, которая обычно ставится во главу угла при характеристике археологических культур. С одной стороны, этот параграф построен хотя и не вполне тривиально, но обоснованно – собственно классификация вынесена в таблицы (представленные в Приложении), а в описании суммируются основные выводы. Такой подход вполне оправдан в данной работе, поскольку автору требовалось охватить всю имеющуюся информацию об исследуемой культуре, и детальная классификация материальной культуры в тексте привела бы к значительному превышению общего объема диссертации. И вроде бы все предельно четко – материалы подразделены на категории, отделы, классы, типы; для каждого типа приведены аналогии, датировка. Но в то же время, классификация получилась несколько формальной.

Во вводной части параграфа не обозначены принципы выделения основных таксономических единиц. Возможно, именно то, что автор не сформулировал для себя этих принципов, привело в итоге к тому, что классификация получилась несколько сумбурной, не позволяющей реконструировать различные сферы жизнедеятельности населения.

Неожиданно описание предметов материальной культуры начинается с *вооружения*. Это, возможно, было бы оправданным, если бы основным источником жизнеобеспечения местного населения была военная добыча. Однако выводы автора свидетельствуют о том, что основу военной структуры представляло народное ополчение, вероятно, необходимое, прежде всего, для обороны своих территорий, а отнюдь не для нападений и грабежа. В составе предметов вооружения традиционно рассматривается конская сбруя. Здесь, без каких либо фактов и пояснений, к украшениям конской сбруи отнесены практически все медные и серебряные медальоны

(с.105-106), в то время как на соседних территориях (республика Коми, Пермский край, Удмуртия и пр.) аналогичные медальоны с IX-X вв. являлись элементами шейно-нагрудных украшений в статусных мужских погребениях.

Далее описывается *хозяйственный инвентарь*, а следом – *предметы быта*. Здесь вновь возникает недоумение, поскольку, отметив, что керамической посуде посвящен отдельный раздел, автор начинает описание с импортной металлической посуды, в том числе, из драгоценных металлов, с импортных зеркал, металлических булавок с навершием и пр. Сразу возникает образ того, как в маленькой полуземлянке, покрытой дерном, люди вкушают пищу с серебряного блюда. Автор, правда, отмечает, что драгоценная посуда встречается на святилищах и в составе кладов, но тогда встает вопрос, насколько уместно рассматривать ее в составе предметов быта?

Следующий раздел посвящен *монетам*, которые рассматриваются исключительно в контексте торговли. Но, судя по изображениям (рис.62/1-9), все монеты либо пробиты, либо снабжены петлями для ношения, следовательно, они использовались как украшения.

В разделе «*Украшения и детали костюма*» весь массив материалов разделен на 5 категорий: поясные гарнитур; украшения рук, головы, шейно-грудного отдела; шумящие украшения и их детали. С одной стороны, уже по названию категорий, за исключением шумящих украшений, понятно, в какой части костюма они использовались. С другой стороны, в целом классификация представляет собой набор разрозненных элементов как местного, так и (преимущественно) инокультурного происхождения, что не позволяет представить образ костюма юдинского населения. Не понятно, какие предметы использовались в мужском костюме, а какие в женском, в каком месте костюма применялись элементы сборных украшений, таких, например, как пронизки, какую роль играли шумящие подвески. Хотелось бы увидеть, как сочетались между собой отдельные элементы поясных гарнитур

в конкретных поясных наборах разного времени. Думается, что материалы исследованных могильников позволяют выделить такие комплексы.

Странным показалось отсутствие среди украшений костюма стеклянных и каменных бус.

Далее описываются *предметы культа*, к которым отнесены антропоморфные фигурки из металла и глины, и медальоны с сокольничим. Если по поводу антропоморфной пластики, которая является характерной чертой исследуемой культуры и, безусловно, носила культовый характер, никаких возражений не возникает, то отнесение к культовым вещам медальонов сомнительно. Судя по материалам Предуралья, такие медальоны сопровождали статусные мужские погребения и, очевидно, служили знаком высокого социального положения. Большинство находок из Притоболья обнаружено в погребениях Ликинского могильника, и автор разделяет точку зрения о том, что они выступали в качестве социальной атрибутики (с.151-152). Так в чем же тогда заключается их культовый характер? Следуя такой логике, к культовым вещам можно отнести все украшения, выполненные в зверином стиле.

Описание *керамической посуды*, составляющей наиболее массовую категорию предметов материальной культуры, вполне четкое, обстоятельное, опирающееся на результаты предыдущих исследований. Важным итогом проведенного исследования стало выделение орнаментальных схем, характерных в целом для юдинской культуры, а также особенностей керамических комплексов подтаежного и лесостепного Притоболья.

При *характеристике хозяйственной деятельности населения* Притоболья (раздел 2.6) автор использовал весь имеющийся корпус источников. Полученные выводы сомнения не вызывают. Но знакомство с этим разделом вызвало множество вопросов не к автору, а к самой культуре. К примеру, не понятно, почему на лесной территории так ограничен ассортимент инструментов для деревообработки? Почему при наличии сырья так мало изделий из кости? Совсем не представлены инструменты, связанные

с такими домашними производствами, как прядение и ткачество (хотя о тканях в тексте упоминается), обработка кожи, шитье.

Значимые результаты получены при определении хронологии памятников, основанной на абсолютной и относительной *датировке*, что позволило в итоге разработать *периодизацию* юдинской культуры и макушинского типа (*глава 3*). Эта периодизация хорошо соотносится с историческими процессами в регионе, отражает становление и развитие культуры населения Притоболья.

Не смотря на указанные «шероховатости», в целом работа оставляет очень благоприятное впечатление. Текст написан хорошим языком с корректным использованием научной терминологии, очень грамотно, да и в целом хочется отметить высокий уровень технического оформления работы. Указанные замечания можно рассматривать в качестве совета для дальнейшего развития исследования и не умаляет заслуги автора. Задачи исследования подразумевали всесторонний охват всех имеющихся источников, в той или иной мере характеризующих исследуемую культуру. И Евгению Алексеевичу удалось успешно решить все эти задачи.

Работа сопровождается обширным *приложением*, имеющим самостоятельную научную значимость. В текстовой части приложения представлены данные об исследуемых памятниках и отдельных постройках, классификация предметов материальной культуры, признаки погребального обряда и пр. В иллюстративной части – карты, планы памятников и отдельных объектов, изображения предметов материальной культуры. Текст соотносится с приложением посредством сносок.

Автореферат адекватно отражает содержание работы.

Результаты исследования апробированы автором на ряде научных конференций, опубликованы в 20 работах. Материалы диссертации могут служить основой для научных и научно-популярных работ, для подготовки учебных пособий и образовательных курсов в высших и средних учебных заведениях, при построении музейных экспозиций.

В целом диссертация полностью соответствует по содержанию критериям паспорта специальности 5.6.3. – археология (исторические науки) и требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, а её автор *Третьяков Евгений Алексеевич* заслуживает присуждения искомой *ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.3. – археология.*

Официальный оппонент,
доктор исторических наук,
профессор, главный научный
сотрудник Отдела истории,
археологии и этнографии
Института гуманитарных
исследований УрО РАН
(филиал ПФИЦ УрО РАН)
614990, г. Пермь, ул. Ленина, 13а
Телефон: (342) 212-60-08
Факс: (342) 212-93-77
E-mail: psc@permisc.ru

Крыласова Наталья Борисовна

13 октября 2024 г.

ВЕРНО

Людмила Крыласовой Н.Б.
заверяю

Н. Крыласова

Н.В. Цыбуштанова

м. ответственности по
кадров

